Леона — Анна Бекчанова, Аликс — Екатерина Боярова, Бургомистр — Дмитрий Плеханов, Бельмас — Михаил Меньших, Тьери — Сергей Рассахань. *Фото Олега Укладова*

Фантомная любовь

Женщины на грани нервного срыва в новом спектакле Владимира Золотаря

текст ***Елизавета ГУНДАРИНА***

Выбор пьесы, которая положила начало юбилейному сезону — 100 лет! — краевого театра драмы, выглядел неожиданным. Казалось, статус культового главрежа, в котором Золотарь покинул Барнаул в 2008 году, оставив после себя почти десяток до сих пор памятных спектаклей и первую в крае «Золотую маску», обязывал поставить что-то пафосное и масштабное. Режиссер такому соблазну не поддался и взял далекую от всего этого репертуарную диковинку — «Жар и холод, Или Идея господина Дома» Фернана Кроммелинка. Пришлось срочно познакомиться с бельгийским классиком столетней давности, как выяснилось, создателем «страшно жестоких» комедий для парижских театров, ценимым русскими поэтами-символистами. В режиссерском портфеле Золотаря пьеса давно дожидалась подходящего повода, соответствующего заложенной внутри нее гипертеатральности. И он настал. Тут же вспомнили, что именно с Кроммелинка Золотарь начинал в Барнауле, когда в 2003 году поставил (и очень успешно — Гран-при III фестиваля «Сибирский транзит»!) главный опус автора — «Великолепный рогоносец». И все окончательно встало на свои места. Возвращение? Конечно, да, но только не в театр, давно ставший другим, а к любимому автору и игровой эстетике. В бескомпромиссности, с которой режиссер установил свои правила игры, взяв в команду только молодых и новичков, выбрал не ходовой текст, а малоизвестную, сложную для восприятия пьесу с бешеной интригой, закрученной вокруг «основного инстинкта», открытым финалом и смутными подтекстами, в том, как открыто пренебрег глубокими интерпретациями, сосредоточив усилия на самом театре с его основными стихиями — сценографией и артистами, поклонники узнавали прежнего Владимира Золотаря. Театр же стал редким обладателем сразу двух Кроммелинков в своем историческом активе.

«Жар и холод» выглядит изысканной заводной шкатулкой с куклами внутри, движущимися по заданной траектории, пока завод не кончится. Художник Наталья Зубович сочинила изумительное в своей абстрактности геометрическое пространство, в центре которого высятся два прозрачных прямоугольных треугольника на узких подмостках. Искусственное,

выморочное пространство, где о живом напоминают лишь пустые осиные гнезда, зловеще окружившие сцену, да кровавый закат на цветном заднике. Это и есть дом супружеской четы Леоны и Амедея. Дом, хозяева и гости которого всегда на виду — как в витринах Улицы красных фонарей. Роковая красавица Леона со своей наперсницей-служанкой Аликс, троица никчемных любовников Леоны, говорливый безымянный шут-бургомистр, крутая блюстительница местных нравов Ида и тайная любовь Амедея простушка Фели. Ходульные образы в такой же ходульной фабуле: мужья и жены, любовники и любовницы, — и вечный знак равенства между двумя этими статусами. Без лица остается только господин Дом. Вместо него — конструкт, голый каркас, «скелет» с натянутыми на него невидимыми стенами, как хамелеон, меняющими цвет по ходу действия. Впервые вижу спектакль, где свет (художник по свету — Александр Рязанцев) — полноправное действующее лицо. Свет здесь и есть «призрак» Дома, приводящий в движение центральную конструкцию, заставляющий поверить: мертвый Дом жив, он здесь, все видит, слышит. Оба художника впервые работают на нашей сцене, демонстрируя редкий по своей выразительности и высокому классу пример визионерского театра.

Сам господин Дом ни разу не появляется, но это не мешает ему оставаться главной темой спектакля — образ, схема, «идея» человека вместо самого человека. Кто же ты, Дом? Есть как минимум три версии. Солидный господин, вся жизнь которого расписана, как ходы на шахматной доске, — таким его видят соседи. Мерзкий старик с вечной маской отсутствия на лице, которого ненавидит Леона. И нежный «Ромео», влюбленный в Фели. Чем дальше, тем больше спектакль наполняется отсутствующим Домом, повисая большим знаком вопроса: из-за кого сыр-бор — из-за реального господина или его отвлеченного образа, фантома? Ответ парадоксальный: любовь не выдерживает ни живого человека, со всеми его недостатками, ни человеческих отношений, она — иллюзия, не имеющая никакого отношения к действительности. В случае с Леоной еще и опасная иллюзия — в финале абстрактная, «мертвая» любовь поглощает живую Леону, танатос побеждает эрос.

С одной стороны, «Жар и холод» — это абсурдистское действо о человеке, которого никто не видел, но про которого все только и говорят. А с другой — «женская», вывернутая наизнанку, версия «Великолепного рогоносца» о четырех ревнивицах, чьи поступки непостижимы. Квартет героинь «Жара и холода» — жены, любовницы, девы-искусительницы и загадочной Аликс где-то на границе между полами — исчерпывающая модель и энциклопедия женского мира, полного парадоксов и тупиков сознания.

«Ты любила его?» — спрашивают молодую женщину об умершем муже. — «Нет». — «Так почему же ты плачешь?» — «Потому что мне не больно». Леона — идеолог измены без измены. Замужняя женщина открыто принимает любовников, не мучая себя угрызениями совести, ведь она «любит любовь — без имени и без лица», в мужских объятиях она всего лишь топит свою бесчувственность. Соседка Ида (Мария Сазонова) мстит Леоне, что та пренебрегла ее мужем. Служанка Аликс (Кристина Василенко, Екатерина Боярова) ревнует хозяйку сразу ко всем ее любовникам. Фели (Екатерина Порсева, Анастасия Дунаева) собирается преподнести в качестве последнего дара любимому собственную смерть. Золотарь увлеченно препарирует отношения между женщинами, будто ставит жестокий эксперимент в лабораторных условиях.

Реактивный двигатель «Жара и холода» — рискованная игра Анны Бекчановой на грани потери самоконтроля. Ее Леона часто кажется больше, сильнее, она буквально оккупирует артистическое тело. На поверхности роли, которую проживает Анна Бекчанова, избыточная чувственность, в глубине — сознание собственной ущербности, яростная тоска по внутренней цельности и жажда усвоить урок настоящего чувства, который преподнесла ей Фели. Леона Анны Бекчановой манит и пугает одновременно, гениально раздваивается между хищником и жертвой. Неисчерпаемый образ, построенный, как представляется, на вызове, который актриса бросила самой себе.

А как прекрасно придумана и сыграна Аликс — маленькая интриганка, двойник и фанатка Леоны. Как точно удается ей быть именно тенью, которую отбрасывает на нее хозяйка, лавировать в пограничной области между женским и мужским мирами, между бытом и сумеречным сознанием, в которое погружается Леона, увлекая в свой водоворот и Аликс. В начале третьего акта Аликс корчится в притворном приступе безумия, охваченная предчувствием скорой катастрофы. Представьте картину Эдварда Мунка «Крик»: вместо странного существа с зияющим ртом — растрепанная девушка перед невидимым зеркалом, которая пристально всматривается в свое отражение. Обхватив голову руками, она безжалостно растягивает кожу и рот, а затем застывает в немом возгласе. В этот момент она выглядит, как античный трагик в маске страха. Жуткая пантомима Аликс становится ярким визуально-поэтическим прозрением спектакля о силе, овладевающей человеком помимо его воли. В такой же манере сделана метафорическая сцена двойничества Леоны и Фели перед воображаемыми зеркалами.

Спектакль о парадоксах любви и ревности, как ни странно, подключает не эмоции, а размышления. А не сам ли театр перед нами — творящий нечто из пустоты, в начале которой только слово? Владимир Золотарь сделал спектакль в том числе и о самой манипулятивной природе театрального искусства, творящего смыслы на наших глазах и навязывающего зрителям готовые «идеи». Мы так устали от этого. Возможно, свобода от «идейной» нагрузки — и есть главное достижение спектакля, возвращающего в театр радость игры, в том числе и со зрителем.